

ВЗГЛЯД И НЕЧТО

Н

азвание этой статьи как-то не придумывалось, и я вдруг испугалась, что получится нечто торжественно-банальное, вроде "многоуважаемого шкафа". И просто написала те слова, которые вынесены на программку уникального спектакля, разыгранного в "комоде", Доме-музее А.П. Чехова в Москве на Садово-Кудринской, в девяносто первую годовщину смерти писателя.

Спектакль показывал Липецкий драмтеатр, давно известный своим пристрастием к творчеству Чехова. Именно там, в Липецке, ежегодно проводятся чеховские чтения, где собираются маститые чеховеды. Именно они, артисты из Липецка, во главе со своим неутомимым главным режиссером Владимиром Пахомовым ежегодно, вот уже двенадцать лет подряд, показывают весной свои чеховские спектакли и сценки.

Памяти Чехова

1995 - 3.10.1924 - 47

такли в Мелихово. В Липецке сыграли, естественно, все пьесы Чехова, водевили, композицию по его рассказам. И вот теперь спектакль памяти Чехова - "Диалоги 1914 года", поставленный по пьесе Владимира Лакшина.

Это свойство людей необыкновенных - уходить не совсем. Оставаться с нами. Не только в нашей памяти. Но представлять перед нами теперь, когда, казалось бы, все - в новом качестве. Лакшин - драматург. Явление новое и в то же время ожидаемое, ибо таланту и блеску Лакшина было тесно в рамках ученого-исследователя. Его деликатность, точность ученого и смелость художника позволили с честью выйти из нелегкого испытания - встречи, разговора на равных с подлинными людьми, друзьями и недругами Чехова.

На первый взгляд - мемуарная пьеса. Прием, блестяще использованный Булгаковым в "Последних днях", - о Пушкине, не показывая Пушкина. Здесь - о Чехове без Чехова. День рождения Чехова. Почти десять лет прошло со дня его кончины. 1914 год. Говорят о Чехове. Читают его письма. Вспоминают эпизоды из его жизни. Размышляют о нем, злословят. Все действие происходит в Славянском базаре, где поминают Антона Павловича артист Художественного театра Вишневский - гимназический друг Чехова, сыгравший во всех его пьесах, писатель Лазарев-Грузинский и Лидия Мизинова. Не очень молодая и очень несчастливая женщина.

Когда после спектакля кто-то из приглашенных посетовал на не очень элегантное платье Лики, актриса возразила, что хотела сделать свою героиню толстой, пьяной, курящей. Все же О. Овчинни-

кова не могла не надеть Лику своей грацией, женским обаянием, какой-то даже строгостью. В конце концов, какое нам дело до того, как выглядела в 1914 году жена режиссера Художественного театра Санина Лидия Стахивна Мизинова?! Мы ждем встречи с той прелестной женщиной, которая вскружила голову Чехову и мучила его, и убежала с другим, и стала прототипом одного из самых пленительных и трагических образов Чеховского театра - Нины Заречной. Чехов нагадал Ликину судьбу - у нее, как и у Нины, умер ребенок.

Актеры Липецкого театра сидели за накрытым столом, пили, закусывали, беседовали. И немногочисленные зрители, человек шестьдесят, которых рассадили за столики с угощением и поминальными блинами, тоже закусывали и выпивали. И ощущали свою причастность к происходящему в центре небольшого зала музея. А там царил эффектный актер Вишневский, который предстал таким замечательным, законченным, Актером Актеровичем! Любые реплики он подхватывал - а вот я... Для меня Антон писал эту роль... М.Ильин играл сочно, размашисто, доставляя почти физическое удовольствие своим великолепным фанфаронством, актерством напоказ. Как точно уловил он авторскую интонацию, показывая не просто историческое лицо - тип вечного Актера, пусть и с большой буквы, но также и большого ребенка - капризного, эгоистичного, обидчивого, талантливого, чертовски обаятельного.

В.Пономарев сыграл своего героя, журналиста Николая Ежова, так же определенно, ярко, остро, только краски избрал другие. Агрессивность и зависть, переходящая в ярость, сделали созданный им тип вечного Сальери удивительно современным. Сколько желчи в нем, сколько черной зависти. Вспомнились строчки Д.Самойлова - "нету их - и все разрешено".

Нет Чехова, нет Лакшина. Нет Чехова и становится слышно ежовых. Все чаще на нас надвигается торжествующий хам. Но пока есть благородные люди и истинные друзья - а именно таким рисует Лазарев-Грузинского, тонко и деликатно оттеняя благородство и широту души своего героя М.Янко, пока есть такие энтузиасты, как директор дома-музея Чехова, такие влюбленные в театр люди, как В.Пахомов и его труппа, такие верные адепты Чехова, как зрители-театроведы, чеховеды, друзья театра и В.Лакшина (на спектакле присутствовали вдова и сын Владимира Яковлевича), есть надежда, что чеховская ирония, боль, нежность, горечь, талант, нравственное чувство найдут свой отклик в сердцах людей.

На следующий день после спектакля театр собирался на Новодевичье кладбище. Директор музея заказал панихиду. Липецкий театр отдавал дань любимому автору.

Валентина ФЕДОРОВА.